ДАЙ, ОТВѢДАЮ!

У иныхъ рекрутовъ есть преглупая привычка — брать все, что ни попало, на языкъ: нашелъ въ бумажкѣ, гдѣ–нибудь, какой–то порошокъ: «Что–де такое это?... дай, отвѣдаю!...» Нашелъ завалящую стклянку съ чѣмъ–нибудь, — тряхнетъ на–свѣтъ, откупоритъ, понюхаетъ, да и глотнетъ; если не покажется, такъ выплюнетъ, а если, не деретъ кожи съ языка, такъ и проглотитъ! Однако это не всегда ладно съ рукъ сходитъ, и не разъ бывала отъ этого бѣда, и большая! Развѣ всякое снадобье на то поставлено, положено, или брошено куда–нибудь, чтобы всякій пришелъ да пробовалъ его?... А развѣ мало и такихъ бываетъ снадобьевъ, что зерно съѣшь, такъ покоробитъ тебя и въ дугу сведетъ?... Развѣ мало такого зелья на свѣтѣ, что и не отплюешься послѣ, какъ въ ротъ его возьмешь, и вѣкъ пойдешь няньчится съ лихою болѣстью? Хорошо

еще, когда ты, какъ одинъ деньщикъ, въ потьмахъ, не подумавши, ваксы хватишь изъ бутылки, вмѣсто квасу, да отъ купоросу немного похвораешь — ну, тѣмъ и кончится. А если, какъ случилось другому, хлебнешь чистаго купороснаго масла, да пролежишь недѣль шесть въ госпиталѣ безъ языка, а потомъ всѣ зубы почернѣютъ и выкрошатся?... Недавно былъ случай еще и хуже того. На стеклянныхъ заводахъ обыкновенно держатъ мышьякъ, затѣмъ что онъ идетъ въ стекло, и называютъ его, просто «бѣлымъ камнемъ». Тамъ всякій знаетъ его и остерегается; а пришелъ посторонній человѣкъ, смотрѣлъ все, разспрашивалъ, и думаетъ: «Что за бѣлый камень? Мѣлъ не мѣлъ и пемза не пемза; дай, отвѣдаю.» Да и отвѣдалъ! Что жъ изъ этого вышло?... На–силу добрелъ до дому, и всю ночь благимъ матомъ прокричалъ, а тамъ вскорѣ легко стало — и замолкъ, когда его обмыли, да положили на столъ. Вотъ–те и отвѣдаю!